

«Если я увижу его снова, то узнаю из тысячи».

Эти слова, слетевшие с губ декана, подобно едва уловимому дуновению ветра, миновали бесчисленные преграды, просочились сквозь толпы людей, проскользнули сквозь трещины в старой кирпичной кладке и разлетелись по всему Университету А.

Чем сильнее насаждается молчание, тем быстрее разгорается любопытство.

Те, кто умел слушать, через доверенных друзей ловили эти отголоски и по крупицам воссоздавали закулисную историю, пускай её правдивость едва ли дотягивала до половины. Пройдя через несколько этапов искажений, слухи окончательно утратили связь с реальностью.

Месяц спустя стало известно, что один из доцентов вуза, отправленный за границу в составе делегации, не вернулся вместе со всеми. Сославшись на то, что академическая атмосфера принимающего заведения вдохновила его на глубокие исследования, он решил остаться в иностранном университете (чей мировой рейтинг был значительно ниже Университета А), чтобы посвятить себя чистой теории, и отказался от преподавательской деятельности на родине.

Этого человека звали Сюй Вэй. Год назад он устроился на факультет биохимии. До этого он преподавал в одном из вузов южной провинции, где случайно посетил лекцию Ли Цинли и познакомился с ним на банкете. Позже, заручившись рекомендательным письмом профессора Ли, он смог перевестись в Университет А.

Его портрет всё ещё висел на стене второго этажа корпуса биохимии. На фото он выглядел благообразным и добродушным: полное лицо, мягкая улыбка, виски тронуты сединой. Его глаза были невелики, а тяжелые, обвисшие с возрастом веки делали взгляд чуть заспанным, скрывая зрачки, что, впрочем, не вызывало неприязни, а лишь придавало ему вид бесхитростного, простоватого человека.

Ли Жун показал фотографию Сюй Вэя Хуан Байкану. Тот долго щурился, вглядываясь в снимок, после чего прицмокнул:

— Честно скажу: не помню. Похож вроде, но уверенности нет.

Юноша и не рассчитывал на нечто большее. Разорвав фотографию, он сухо наставил:

— Считай, что всё закончилось. Больше тебя никто не побеспокоит.

Собеседник подтащил облупившийся железный стул, уселся на него, закинув ногу на ногу, и шмыгнул носом:

— Понимаю.

Он не знал всех тонкостей этой вражды, но ясно видел одно: этот Сюй Вэй, побоявшийся возвращаться, и другие надутые индюки из высших кругов оказались в дураках по милости стоящего перед ним школьника.

Поцокав языком, мужчина не удержался от вопроса:

— Слушай, а ты занятный малый. Ты же всего лишь школьник, откуда в тебе это?

Он перерыл весь интернет в поисках имён, которые раньше для него ничего не значили: Ли Цинли, Гу Нун, «Люйиньсюй», медицинская компания «Нунъань», исследовательский институт «Хунсо». О событиях июля и августа, наделавших столько шума, он мельком слышал ещё в изоляторе — журналисты упоминали об этом в новостях, которые заключённые смотрели всей гурьбой.

Условия в камере были паршивыми, тоска смертная, поэтому любая громкая новость становилась поводом для бурных обсуждений. Кто-то орал, что Ли Цинли — мразь, травившая людей фальшивыми лекарствами, кто-то цедил, что в «Хунсо» паразитов не меньше, чем на воле, какими бы лощёными они ни казались на телеэкранах.

Ему тогда это казалось странным: люди сами сидели за решёткой, а находят время клеймить других подонками. Сам он в эти дела не лез — ему было плевать, сколько у кого денег и скольких людей они облапошили. В этот раз не повезло — сел, в следующий постарается быть удачливее. Плыть по течению, жить в тумане — вот и весь его нехитрый путь.

Но он встретил Ли Жуна. Дважды — и оба раза видел его истинное лицо, скрытое от посторонних. И внезапно ему стало интересно узнать об этой семье побольше.

Оказавшись на месте юноши — падение с небес в грязь, всеобщее презрение, потеря всего в одночасье — мужчина давно бы нашёл дерево покрепче и вздёрнулся на собственном ремне. Какой смысл жить, когда за душой ни гроша?

Но Ли Жун не сдался.

Мужчина слышал, что тот выжил после отравления газом. Родители мертвы, дом разорён, травля в сети не утихла целый месяц, а в окна швыряли камни.

Он не понимал, откуда в Ли Жуне эта неистовая жажда жизни, способность трезво мыслить, планировать и вести свою игру. Почему в нём нет ни капли той слабости, что тянет на дно?

Такая жизнь, пускай и закалённая в огне, пускай и покрытая шрамами, казалась удивительно живой, яркой и уникальной. Просто находясь рядом с таким человеком, Хуан Байкан

чувствовал, как эта обжигающая сила передаётся ему, заставляя стыдиться собственного бесцельного существования.

Ли Жун посмотрел на сидящего перед ним человека — на его засаленную, растянутую майку, которую тот не менял вечность, на его колючий, озлобленный взгляд. Этот человек принадлежал к миру, с которым юноша никогда раньше не соприкасался. Они были как две параллельные прямые из разных измерений, которые не должны были даже словом обмолвиться.

Помолчав, Ли Жун едва заметно улыбнулся и тихо спросил:

— Если я скажу, что мои родители ничего не совершали и их подставили... ты поверишь?

— Поверю, — ответил Хуан Байкан. Просто, прямо и обыденно, без тени сомнения.

Юноша на мгновение замер, поражённый этим ответом. Ему казалось, что такие слова не могут звучать так легко. Собеседник должен был привести аргументы или хотя бы пояснить причину своей уверенности.

Ли Жуну было трудно принять столь безоговорочное доверие. Он привык считать, что право на него — это награда, которую нужно вырывать у судьбы потом и кровью.

Мужчина наконец-то увидел на лице юноши то замешательство, которое пристало его возрасту. В этот миг Ли Жун перестал казаться тем пугающим безумцем из их первой встречи или хладнокровным стратегом из второй.

Он осклабился, обнажив ряд жёлтых зубов.

— Да ничего особенного. Просто ты мне кажешься куда порядочнее того декана. Раз говоришь, что подставили — значит, так и есть.

Ли Жун не смог сдержать смешка:

— Что ж, тогда спасибо тебе.

Собеседник размашисто поправил воротник, выудил из кармана сигарету и прикурил. Зажав её между пальцами, он глубоко затянулся и с видимым удовольствием затряс ногой:

— Не за что. Будет нужда — зови, я за деньги на что угодно пойду.

Ли Жун не знал, понадобятся ли ему ещё услуги этого человека, но тот показал ему иную

грань этого мира. Оказалось, что в нём существует не только беспричинная ненависть, но и столь же безосновательное доверие.

Миром правят не логика и доказательства, а чувства.

Разве те слухи, что распространяла Лю Таньчжи через свои каналы, были безупречно логичны? Отнюдь. Напротив, ложь зачастую была топорной. Стоило лишь на мгновение успокоиться или потратить пару секунд на проверку, как становилось ясно: всё это — шитая белыми нитками подтасовка фактов.

Взять хотя бы ту «жемчужину коллекции» из музея автомобилей. Достаточно было вбить фото в поисковик, чтобы увидеть сотни снимков этого экспоната в блогах и путеводителях. Один взгляд — и любому стало бы ясно, что это не машина его отца.

Билеты в музей недёшевы, но за год его посещают сотни тысяч человек. За столько лет миллионы людей должны были узнать этот автомобиль. Разве они не понимали, что новость — фальшивка?

Они знали.

Но никто не возвысил голос в защиту его родителей. Молчание позволило лжи разрастись, а Лю Таньчжи — набить карманы.

Люди не желали взывать к справедливости из-за новостей о вреде «Люйиньсюй» и о том, как Ли Цинли якобы обманул общественность. Когда начались испытания препарата, и пациенты, и их близкие возлагали на него огромные надежды, видя в Ли Цинли своего спасителя. Но когда первая фаза провалилась и привела к смертям, надежда обернулась яростью.

Разбитые мечты породили ненависть, которая перекинулась на Ли Цинли и Гу Нун. Эти эмоции мешали людям видеть истину — или заставляли намеренно её игнорировать.

Правда была не важна, важнее было выплеснуть гнев.

Ведомая кукловодами толпа, возомнив себя воинами справедливости, с упоением топтала тех, кто вызывал у них недовольство. Ещё больше людей, поддавшись этому влиянию, заранее заняли враждебную позицию. Они предпочли остаться холодными наблюдателями, пока его родители не погибли в ту роковую ночь.

Смерть стала финалом, смывшим большую часть ненависти. А когда публикация статьи Ли Цинли произвела фурор в научном мире, те, кто преклонялся перед его талантом, снова начали превозносить его имя, сокрушаясь о несправедливости судьбы.

И они тоже не знали всей правды. Просто эта научная работа вызвала у них симпатию,

заставив поверить.

Предвзятость невозможно обуздать разумом, какими бы глубокими ни были познания человека.

Чувства — вот истинный рулевой наших поступков.

Попрощавшись с Хуан Байканом, Ли Жун сел в машину к Цэнь Сяо. Тот уже собирался завести двигатель, но заметил, что юноша замер, отрешённо глядя перед собой, и даже не пристёгнулся.

Цэнь Сяо потянулся к ремню безопасности, чтобы помочь ему, но не успел — Ли Жун внезапно склонил голову и доверительно прижался к его руке.

За последнее время юноша наконец-то немного прибавил в весе, перестав выглядеть болезненно истощённым; на его щеках появился здоровый объём.

Он прижался ухом к плечу Цэнь Сяо, так что мышцы предплечья слегка сдавили его щёку. Мягкие пряди волос соскользнули вниз, коснувшись воротника собеседника и заставив его кожу слегка зазудеть от этого нежного прикосновения.

На таком расстоянии, при такой близости... Цэнь Сяо следовало бы, не раздумывая, прижать Ли Жуна к сиденью и сполна насладиться моментом. Но эта мысль промелькнула и исчезла. Он лишь крепче сжал руль, силой воли подавляя свои желания.

— Хуан Байкан тоже не смог его опознать? — спросил Цэнь Сяо.

— Неважно, узнал он его или нет, — пробормотал Ли Жун. — Тот, кто, воспользовавшись неразберихой, пробрался в мой дом и вырвал страницы из рукописи отца, — это Сюй Вэй. Он блестяще разбирается в биохимии, но в Университете А он новичок и не был знаком с моими родителями. Идеальный кандидат, чтобы украсть и уничтожить документы. Теперь, когда дело запахло жареным, а до него дошли слухи, он просто побоялся возвращаться и бросил работу.

Ли Жун сделал паузу и добавил:

— Он боится не меня. Он боится того, кто приказал ему это сделать.

Юноша вздохнул и продолжил:

— Наверняка Сюй Вэй терзался сомнениями. С одной стороны, он понимал, что нужно заметить следы, с другой... он помнил о благодарности моему отцу. Эта рукопись была для него ценнее, чем для кого-либо другого, он не мог заставить себя уничтожить её полностью.

Поэтому он вырвал лишь самое важное, решив оставить остальное — пускай даже мне на память.

Он знал привычки моего отца. Возможно, его внезапно пронзила мысль, что в оставшихся бумагах могли сохраниться какие-то пометки, и он пошёл на риск, пытаясь подчистить за собой хвосты. Об этом промахе он точно не посмел доложить начальству, надеясь, что справится сам. Он и не подозревал, что именно это станет его ахиллесовой пятой.

На самом деле мой отец был... хм, даже не знаю, как сказать. Он всегда был готов поддержать талантливых и увлечённых наукой людей. Он написал десятки, если не сотни рекомендательных писем. Сюй Вэй не был для него кем-то особенным — отец даже не упоминал его имени при мне или маме.

Но Сюй Вэй не смог этого забыть.

Интересно, просыпался ли он в холодном поту от укоров совести?

<http://bllate.org/book/15351/1436443>